

# Ребёнок с крупным лицом/ Отрывок рассказа

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Ребёнок с крупным лицом/ Отрывок рассказа РЕБЕНОК С КРУПНЫМ ЛИЦОМ

«ВНИМАНИЕ! Собственность пациента» – гласила бирка на пластиковом пакете, оставленном у приоткрытой двери: «Фамилия: Имя: Улица: Город: Палата №:..» Персонал сложил туда ее одежду и поместил пакет под замок в камеру хранения. На другой двери были таблички с надписями “Чистое” и “Грязное”, будто иудейские ритуалы каким-то образом просочились в восьмиэтажное здание госпиталя. Церковные колокола необычайно громко и раскатисто возвещали начало каждого нового часа. Женщина, носившая значок с именем, которое показалось ей знакомым, работала в ночную смену. Поинтересовалась. Оказывается, они действительно приходятся родственниками друг-другу. У дядюшки, жившего в уединении интеллектуала и книжного червя, нацисты держали его в концлагере, была двоюродная сестра. Один «надежный человек» в результате принудительной «ариализации» унаследовал его еврейское издательство, так и не вернув. Однако эта часть легенды как-то забылась, а осталась только история человеческого страдания.

У нее была возможность, если возникало такое желание, беседовать со священником. В любое время. Присоветовал местный психолог. Однако никакого раввина здесь, конечно, не было. Теперь уже не было. Их вообще почти не осталось. Старший врач во время обхода обратил внимание на еврейскую фамилию, и, к слову, поинтересовался, откуда она была родом. Она ответила, что родилась в паре деревень отсюда, в паре часов езды, совсем рядом. “Я вас всего на год младше, но в жизни не встречал немецкой еврейки. Вы, в некотором смысле, особенная”. “Да, – сказала она, – ура, хоть кто-то из нас умудрился выжить.”

Впрочем, здесь только и разговоров было, что о смерти и способности отпускать.

Ночью она металась в кровати и случайно нажала кнопку экстренного вызова персонала. Села и тут же отключила сигнал тревоги. Утром заявила, что спалось ей прекрасно.

В день своего заезда она открыла холодильник, собираясь сложить туда съестные припасы и нечаянно опрокинула банку с незакрученной крышкой. Розовый йогурт вытек в нижнее отделение, туда, где хранилось несколько бутылок с пивом. Она извлекла из пролившейся массы осколок стекла: банка разбилась. Отмывая холодильник, вспомнила недельную трудовую практику в доме престарелых.

Весь класс отправился в заграничную поездку в честь завершения учебного года, а она не поехала. Оставалось выбирать между уроками и домом престарелых. Она выбрала дом престарелых, не подозревая, что практика заключалась в уборке помещений. Ее обязанностью было вытирать пыль в комнатах. Ей указывали в каких именно. На столе одной старушки стояло много фотографий в рамках. Разных размеров, позолоченные, серебряные, резные. Молодые (и уже не совсем), улыбающиеся мужчины в униформе со знаками вермахта и символикой СС расставлены были на стеклянной столешнице по круглым плетеным коврикам. Она с самого начала боялась сделать что-нибудь не так, и не только в этой комнате, а вообще. И вот с ней неожиданно заговорили, и она уронила фотографию в обтянутой бархатом рамке. От удара треснуло стекло. Совсем не хотелось ставить об этом в известность хозяйку, которая и так без конца ей грубила, поэтому она просто вернула рамку с треснутым стеклом на место. Было ощущение, что мужчины готовы вылезти из фотографий и заполнить все тесное пространство комнаты. Она поспешила закрыть за собой дверь и исчезнуть.

Еще можно было разносить еду или мыть зеркала в туалете – по крайней мере там не было фотографий в рамках. Дежурная сестра вызвала ее на разговор – пожилая женщина не преминула пожаловаться. Она ответила, что ничего не знает о фотографиях

и тем более о треснутом стекле. Может быть, ее следует отправить убирать другую комнату? Это ведь можно организовать? Но в других комнатах тоже есть фотографии в деревянных или обитых тканью рамках. В начале следующей недели она была счастлива вернуться в школу. О практике не хотелось ни говорить, ни, тем более, писать в дневнике.

Ребенок с крупным лицом стоял, прислонившись к перилам. Кудри спадали на одну сторону, касаясь плеча. Волосы светло-коричневого, пробкового цвета. Она была похожа на девочку из рекламы кукурузных хлопьев. Черные лакированные ботинки с пряжками, белые носочки и розовое платье. Поясок перехватывал ее тело выше талии. Платье вообще было ей коротковато. Голова девочки торчала над парапетом. Грудью ребенок вжимался в вертикальные прутья. Она только что была в комнате пожилой женщины в темном коридоре в глубине лестничной клетки. В этой комнате на газете лежало большое увеличительное стекло, а на платяном шкафу стояла жестяная банка с печеньем. Каждый раз, когда девочка заходила в комнату, она тянулась к банке. Девочка звала ее тетушкой. Ей не позволялось одной навещать эту женщину. И почему она жила здесь, в этом темном коридоре? Был ли кто-нибудь в соседних комнатах, двери которых никогда не открывались? Девочка не знала, и не думала даже интересоваться, так как она вообще не должна была сюда приходить.

Она с силой прижималась к перилам, и прутья врезались ей в ребра под блузкой. Внимательно наблюдала сквозь высокие пролеты лестницы за происходящим в вестибюле первого этажа. Пол внизу был выложен каменной плиткой, которая местами порядочно истерлась. Четверо полицейских удерживали лежавшего на полу мужчину. Двое схватили его за руки. Третий пытался зафиксировать ногу, поставив колено ему на живот, четвертый боролся с другой ногой. Его тело растягивали за ноги и за руки. Он извивался, тряс головой и кричал: "Мама."

Полицейским, сражавшимся с мужчиной, как с диким зверем, наконец удалось его усмирить. Они не знали, что с высоты

нескольких этажей за этим наблюдает ребенок. Мужчине было не от кого ждать помощи; некому было подобрать его пиджак и плащ. Девочка отошла от перил. Мужчина вскрикнул. Девочка рванула вниз по лестнице и не останавливалась уже до самой двери в коридор, где ей и полагалось находиться.

По ночам пациенты кричали за своими решетками, и этот шум разносился через окна. Это были низкие, причудливо искаженные гортанные звуки, которые, казалось, берут начало там, где человека еще не существует. Горестные, заунывные, резкие, царапающие звуки без спросу покидали их тела. На другой день, ближе к обеду, ее отец, явившийся в расстегнутом медицинском халате, сообщил, что вчера кто-то совершил самоубийство. Девочка тем временем ковыряла вилкой высохшую вареную картофелину и смотрела перед собой. Отец попросил стакан вина, оставивший на скатерти мокрый круглый след. Ребенок продолжал пялиться, даже когда еда была съедена и пустой стакан убрали со стола. Унесли и квадратное блюдо из белого фарфора, в нем еще оставалось несколько желтоватых разрезанных на четыре части картофелин. Кольцо от стакана на скатерти было едва заметно – белое вино почти не оставляет следов.

Как-то раз девочку позвали на обход вместе с отцом. Ей было обещано, что Дед Мороз приготовил для нее подарок. Перед ними отпирали и распахивали двери, и закрывали, когда они проходили. Она остановилась перед зарешеченной дверью, за которой стоял вытянувшийся в струнку, незнакомый ей человек, вцепившись в прутья. Вдруг справа выросла фигура коренастого мужчины в костюме Деда Мороза, и он обратился к ребенку. В тот же миг щелкнул чем-то, из его ладоней выскользнула тяжелая цепь и с лязгом опустилась на пол. Из горла человека за решеткой вырвался тяжелый стон. Ребенок испугался, как никогда, к тому же закрытые двери исключали возможность бегства. Она не могла понять, почему отец не остался там с ней. Дед Мороз и этот человек за решеткой были огромными; чтобы спастись, ей нужно было стать размером с пятнышко на каменном полу, как тот след от белого вина на скатерти,

который едва можно было разглядеть.

Она запомнила худое лицо мужчины, его костлявые руки и острые колени – он время от времени сажал ее к себе на бедро и начинал раскачивать вверх-вниз. «Вверх-вниз, вверх-вниз и еще разок» – мужчине нравилось, когда они вместе смеялись. Он взял вантуз и прилепил его к полу широкого коридора, застеленного линолеумом. Сказал: «смотри», и, дернув за деревянную ручку, поднял хлипкое покрытие пола, а затем, впусив в присоску воздух, дал ему упасть назад со шлепком. «Еще разок?» – спросил он. Ребенок кивнул. Грубые волокна линолеума оставляли на коленях девочки красные отпечатки, складывавшиеся в причудливый узор. Ее мама как-то застала их за этим занятием и запретила прилеплять вантуз к полу и качать ее на коленях. «Тетушка Лулу рвется на свободу,» – неожиданно произнесла она и убежала в сад в глубине территории, точнее, в самый дальний его угол, где собиралась нарвать салата, ароматных трав, крыжовника, малины, красной смородины, клубники, белокочанной капусты, слив и груш. Она была городской и работа в саду давалась ей нелегко. Она настояла на том, чтобы ребенок выходил с ней на улицу подышать воздухом. По пути в сад нужно было миновать асфальтовую дорогу, на которой попадались опухшие белокожие люди. У многих головы кренились на сторону, некоторые останавливались и пялились на нее, у иных изо рта текла слюна. Ей нельзя было оставаться с ними, особенно идти вместе в соседний парк. Обычно те были одеты в темно-коричневые вельветовые штаны и голубые рубахи, и выглядели так, словно никогда не носили одежды другого цвета. Сад был широк и просторен, как жилые помещения и коридоры госпиталя. Он был со всех сторон окружен непроходимым кустарником. Низкие ветки малинника кололи ей ноги сквозь гольфы, царапая кожу. Еще там были пчелы, шершни, пауки, червяки и улитки. Собака из соседнего огорода скалилась каждый раз, когда она проходила мимо, а как-то перемахнула через ограду. Тогда хозяину пришлось побегать, чтобы загнать ее обратно.

Иногда ей казалось, что этот их сосед, хозяин собаки,

наблюдал, как она гоняется за ними и рвет мамины гольфы, с каким-то особым удовольствием. Однажды она поняла, что он мог спускать ее с цепи специально. Как будто те времена, когда на них натравливали собак еще не ушли в прошлое.

За столами птички бойко общались с птицами-людьми, сидевшими по-соседству. Те держали в руках вилки и ножи и то и дело отправляли в рот большие порции рубленного салата. Она наблюдала как рты без конца открывались и закрывались, словно это были автоматические измельчители пищи. Старушек звали Анна и Катрина, Биргит и Бьянка, Саския и Эльфи. Никаких имен вроде Гюльцен или Эльжбет. Между ними сидели мужчины, хотя их было на порядок меньше. “Здесь совершенно обычная больница”, – сказала ей женщина во время регистрации. Рядом с дверью стояли контейнеры для использованных шприцев и сложены были одноразовые перчатки. “Дезинфицируйте руки,” требовала надпись, и у входа в комнаты наготове был зеленый хирургический скраб.

Небо было затянуто облаками. По стеклам струились капли дождя, навевая мрачное настроение. На кухне стряпали мучную подливу, которую в этой местности подавали уже лет пятьдесят – сушеный просоленный картофель, разваренный рис и овощи, щедро приправленные любистокком, на вкус всегда все было одинаковым, независимо от того, какие именно брались овощи. Огромное количество уксуса превращало салат в бесформенную зелено-оранжево-белую питательную массу, которую пациенты неизменно воспринимали как нечто очень полезное. Во время обходов присутствовал заместитель старшего врача, мужчина, настаивавший на том, что разговоры о сексуальности чрезвычайно важны для выздоровления.

Дежурная сестра бросила неопределенный взгляд на ее карту. Фраза крутилась в голове пациентки, пока она делала упражнения для укрепления тазового дна; она слушала разговоры об анусах, промежностях и вагинах, о том как важно было их напрягать и расслаблять. Однажды женщин попросили зажать руку между ног и попытаться добиться интенсивных сокращений. В комнате была белая мебель, полы застелены коврами с серыми пятнами,

занавески тоже были серые, с вытянутыми розовыми вкраплениями неопределенной формы. Походили на оштукатуренные стены стандартных городских домов. Рано утром она вытягивала руку и водила по набухшим губам, пока не начинались судороги, и тогда она прикусывала свежевыглаженную наволочку.

В психиатрическом госпитале обитали трое евреев, пережившая войну женщина с двумя детьми, ее муж, бывший солдат немецкой армии, родом из восточно-прусской семьи, тетушка Лулу, пациенты, не убитые в то время, мелкие преступники, которым не нашлось места в тюрьме, беспризорники без семьи или друзей, оказавшиеся слишком близко к разорвавшемуся снаряду, новые пациенты, сошедшие с ума после 1945 года и постаревшие доктора и медсестры. Персонал, по слухам, подобрался из жителей окрестных деревень, решивших ухаживать за больными, вместо того чтобы учиться ремеслу мясника. К тому же в больнице лучше платили, но в первые годы почти никто не мог позволить себе покупать мясо. Дети с блестящими глазами толкались в лавках и ждали, когда продавщица кинет им на прилавок тонкий ломтик колбасы. Детям нравилось ходить за покупками с матерями, даже если те покупали сырой коровий язык или свиную голову. Ее отец тоже был из семьи мясников и ему нравилось нанимать на работу сыновей мясорубов. “Они сильные парни”, – говорил он, – “они точно справятся с любым пациентом и вернут его за решетку”. Из женщин он предпочитал нанимать матерей – одиночек. Говорили, что они охотнее находили с ним “общий язык,” и, само собой, стремились эту связь продлить как можно дольше. Конечно, из-за детей.

Отец прицепил докторскую бирку к халату, повесил табличку на дверь кабинета у входа в здание на первом этаже и с тех пор лечил от истерики тех, кто возвращался с войны и не мог поднять вверх руки, что бывало не только из-за ранений. Электрошок и гипноз помогли бывшему пекарю, у которого тоже не поднимались руки, а теперь он вновь приносил пользу семье, торгуя бритвами «Ремингтон». Ее мать подружилась с женой этого мужчины, но дружба продолжалась ровно до тех пор, пока он не

повесился на чердаке и не поползли слухи, что во всем виновата жена. Массивная круглая фигура женщины появлялась еще какое-то время между кремовых пирожных, которые она привозила на продажу. Но постепенно ее визиты сошли на нет.

Она не знала, почему мясник с женой так часто выпивали. Но она знала наверняка – на лице и спине его жены были большие припухшие родинки. Она заметила их однажды, когда та приходила к ней в сад. На женщине был купальный костюм, за который она долго извинялась, но на самом деле их об этом визите никто не предупреждал.

Мать с ребенком гуляли по городу и случайно оказались на улице, где в новеньком доме проживала эта семейная пара. В доме напротив, хорошо обозреваемом из их окон, жила пожилая мать женщины. Ребенок звал ее бабушка Лершель.

Бабушка Лершель носила тапки и длинные теплые гольфы даже когда было тепло. Ее домашний халат, изначально черный, с узором из мелких цветов, теперь стал пестро-серым, как эмалированные кастрюльки и миски на электрической плите. Бабушка Лершель до сих пор не избавилась от старой чугунной печи, которая была постоянно растоплена и стояла рядом. Ребенок очень хотел добраться до крошек, которые заприметил на печи.

Человек с худым лицом был вором. Крал велосипеды и радиоприемники. Он даже не пытался их потом сбывать. Брал велосипед, пробовал прокатиться, подписывал договор и исчезал, не заплатив. Примерно то же проделывал и с радиоприемниками. Их он присваивал совсем уж незатейливо – брал под мышку и уносил. Его приговорили еще довоенные судьи; он отсидел, вышел и ему снова понадобился велосипед. Так он оказался в госпитале для душевнобольных, куда был помещен принудительно, а потом его определили работать у старшего врача. Ему нравилось жить в докторской. Там было лучше, чем в общем зале, где вечером могли вцепиться руками в шею, или кто-нибудь начинал визжать или кидаться фекалиями. Он много времени проводил с ребенком с крупным лицом и очень его полюбил. Однажды соседская девочка

позвала ее пойти поиграть, и она очень хотела пойти. Редко кто-то посторонний оказывался на территории и тем более звал поиграть. Другие работники, а их было немало, старались не приводить сюда детей. Мужчина совмещал обязанности прислуги и няньки. Он проводил ребенка вниз, сказав, что так будет лучше. Но как только он увидел другую девочку, он бросился к ней, схватил за руку и поволок на мощный пяточок у входа. У нее порвались колготки, и было свезено колено. Ребенок с крупным лицом пошел наверх за мамой, которая вскоре спустилась с бинтом и пластырем. Ту другую девочку звали Марита. Йод на кровоточащей ране заставил ее вскрикнуть. Ребенку с крупным лицом так и не удалось поиграть с ней ни в тот день, ни после. Марита больше не возвращалась.

Была еще одна странность. Это тоже имело отношение к соленому картофелю и еще к венскому шницелю, и случалось только по воскресеньям. В одно такое воскресенье родители решили провести время в гостинице в нескольких километрах от дома, где ее отцу всегда были рады. Тамошний хозяин после войны впал в тяжелейшую депрессию, его тело цепенело и теряло чувствительность. Теперь же он был излечен. Мог полноценно работать на кухне весь день, поднимая огромные кастрюли и тяжеленные сковородки, и это, в свою очередь, спасло от отчаяния престарелую хозяйку. За перегородкой сушились сливы, на участке хранились яблоки, картофель, в траве шмыгали петушки с длинными шеями и острыми клювами, тут и там оставляя за собой следы помета. Словосочетание "Венский шницель" означало мясо. В то время люди по-прежнему питались в основном савойской капустой, изредка добавляя немного мясной поджарки, как правило, когда в гости приезжали родственники. Ребенку с крупным лицом не нравились эти драгоценные шницели, и отец терял терпение и злился каждый раз, когда им приходилось останавливать свой маленький фольксваген по пути в деревню в Оденвальдском лесу из-за того, что девочку тошнило. Она выходила на улицу, вдыхала свежий воздух, и черно-белые коровы, гремя, подкатывались к оградкам. И тогда она просто стояла и не знала, что делать дальше. Коровьи лепешки казались

ей непреодолимыми препятствиями.

Иной раз в выходные граммофон без остановки крутил пластинки Элвиса и Клары Вальдоф. А вечером мать надевала платье для танцев и родители уходили в «Золотой полумесяц». Она утверждала, что Клара Вальдоф лучше Элвиса, и еще мать обыгрывала мужа в шахматы.

Минуя многочисленные деревни и городки, они иногда заезжали в Михельштадт. Здесь обосновались резчики по кости, и как-то раз им удалось купить фигурку белого слона и ожерелье из слоновой кости с гладкими круглыми бусинами. Город, по-видимому, сохранял какую-то связь с большой Германией времен колониального рейха, но девочка была слишком мала, чтобы об этом задумываться, хотя довольно странно обнаружить изделия из слоновой кости посреди виноградников, садов и животноводческих ферм с огромными черно-белыми коровами. Почему их кремовый «Жук», как называли в народе этот автомобиль, чем-то напоминавший их самих – людей в поисках места под солнцем, почему «Жук» всегда пах кожаным заменителем, мастикой, и отсыревшей шерстью? Возможно, все дело в пропитавшейся потом обивке кресел. Это было еще до того как появились нейлоновые рубашки, те, что не нужно гладить, хотя и они через какое-то время не особо приятно пахли. Автомобиль, скорее всего, куплен на деньги, полученные в рамках компенсации жертвам холокоста, которую страна, тогда именуемая Федеративная Республика Германии, выплатила ее матери за то, что та подверглась расовым преследованиям, был нанесен вред ее здоровью и в целом жизнь оказалась под угрозой, кроме того, ей закрыли доступ к образованию и профессиональному обучению.

Им не пришлось копить деньги на автомобиль; в один прекрасный момент они поняли, что в состоянии его купить. Потом, на протяжении нескольких лет законы понемногу менялись к лучшему, и если бы ее матери хватило наглости, она могла бы поручить своему адвокату оспорить сумму компенсации, и, возможно, они купили бы четырехдверную модель. Тогда девочка, почувствовав, что ее укачивает, успевала бы выскочить на обочину сразу после

остановки. Отец был за рулем, мать всегда сидела рядом с ним. Если ей самой становилось дурно, она просто не подавала вида.

Маленькие яблочки, растущие на тонких деревцах вдоль недостроенной дороги были восхитительно вкусными, с белой плотью, слегка розовевшей при укусе, словно та вобрала цвет тонкой кожицы. Ребенок с крупным лицом думал о Белоснежке и сомневался, стоит ли радоваться тому, что ест это яблоко.

Перевод с немецкого Антон Платонов

---

Об авторе: ЭСТЕР ДИШЕРАЙТ

Родилась в 1952 году в Германии, живет в Берлине. Писательница, поэт, публицист, перформансистка, автор театральных и радиопостановок. Одна из «видных представительниц молодой еврейской литературы». Автор рассказов, стихов и эссе, среди которых наиболее известны «Стол Йомиса. История еврея», «Уроки еврейства», «На бирже с Айхманном», «Цветы для Отелло» и др. Ее поэзия печаталась в периодических изданиях в Швейцарии, Польше, Аргентине и Колумбии. В 2009 году удостоилась премии Erich-Fried-Preis. Преподавала в университете Вены, в Университете Вирджинии, США, была участницей Международной писательской резиденции IWP университета Айовы, с 2019 года работает на кафедре теории современной поэзии DAAD в университете Нью-Йорка. Выступала с лекциями в Европе, на Ближнем Востоке и в Америке.

О переводчике: АНТОН ПЛАТОНОВ

Переводчик, исследователь, арт-менеджер. Окончил переводческое отделение СПбГУКИ, ученик переводчицы и писательницы Веры Резник. Участник семинаров поэзии «Открытой Литературной Школы Алматы» сезона 2015-2016. Занимается переводами современной прозы с английского, испанского и немецкого языков, исследует и переводит поэзию битников, в частности Грегори Корсо. Пишет и переводит тексты о современном искусстве и философии.

Переводы и эссе публиковались в электронном издании “Литerrатура”, журнале “Esquire” и др. Один из создателей и руководитель проектов “Иллюстрированный путеводитель по смыслам Алматы” и приложения для арт-медиации [ariapp.io](http://ariapp.io). Живет и работает в Алматы. Nekeýalar